

АННА СКИФ

Ловушка

на бывшего мужа

18+

Анна Скиф

Ловушка на бывшего мужа

«Автор»

2021

Скиф А.

Ловушка на бывшего мужа / А. Скиф — «Автор», 2021

Веста устала убегать от прошлого. Теперь она хочет все исправить и вернуться к нормальной жизни. Для этого ей придется оставить своего ребенка в закрытом английском пансионате, довериться незнакомому мужчине и встретиться с самым большим своим страхом лицом к лицу, раскрыв тайны, о которых ей хотелось бы навсегда забыть. Сможет ли хрупкая женщина противостоять тому, кто во всем сильнее ее? И так ли искренен с ней мужчина, называющий себя другом?

© Скиф А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ГЛАВА 1	5
ВЕСТА	5
ГЛАВА 2	11
ЕГОР	11
ГЛАВА 3	18
ВЕСТА	18
ГЛАВА 4	24
ЕГОР	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Скиф

Ловушка на бывшего мужа

ГЛАВА 1

ВЕСТА

Самолет оторвался от взлетной полосы, и я наконец-то выдохнула с облегчением. Понимая, что мои опасения остались позади хотя бы на время, все равно всматривалась в лица пассажиров, боясь увидеть одно – то самое.

Полинка умаялась и заснула в соседнем кресле, прижав к груди любимого зайца. Она улыбалась во сне, и я невольно улыбнулась ей в ответ. Дочка – единственное, что до сих пор удерживало меня от шага в пропасть, на краю которой стояла последние три года.

Три года страха.

Три года бегства.

Три года ощущения безысходности.

Тот, от кого мы все время убегаем, слишком опасен. Попасться ему на пути – значит потерять единственную ценность жизни. Он заберет Полинку, что станет равносильно смерти. Без дочки не проживу даже дня, и все же летим туда, где мне придется оставить ее на какое-то время. Долго не решалась, пыталась найти другие варианты. Все казалось, так предаю свою малышку, но меня смогли убедить, в закрытом частном пансионате ей будет комфортно, а главное – безопасно. Бесконечные перелеты, переезды выматывают, превращаясь для ребенка в испытание. Так нельзя. Я вернусь за ней, как только улажу все дела, как пойму, что нам больше ничего не угрожает.

Смутное беспокойство появилось еще в аэропорту, когда объявили посадку. Я почти привыкла к нему. Однако, сегодня что-то неуловимо изменилось, нахлобилось на прежние, почти привычные страхи. Будто что-то забыла или не учла. Точно зная, все документы на месте, мы ведь как-то прошли в самолет, все же полезла в сумочку проверить.

В моем паспорте теперь была непривычно-чужая фамилия, к которой я никак не могла привыкнуть.

Новые документы стоили чудовищно дорого, пришлось существенно облегчить счет, который открыла на имя дочери в день ее рождения пять лет назад. Тот, от кого мы бежим, ни о чем не догадывается, он не может даже возможности допустить будто кто-то окажется умнее его и сыграет на опережение.

Когда-то никаких мыслей об опережении не было, я просто открыла счет и планировала пополнять его до совершеннолетия дочери. Не сбылось. Жизнь внесла свои коррективы, и планы пришлось менять на ходу.

На бегу – чего уж там!

Полинка заворочалась во сне, сморщила носик. Плюшевый заяц выпал из маленьких ручек в проход. Я потянулась, чтобы поднять его, и едва не столкнулась лбами с мужчиной из параллельного ряда. Он успел подхватить зайца раньше меня.

– Извините, – пробурчала и забрала протянутую игрушку. – Спасибо. Она заснула и вот...

Он всего лишь проявил вежливость, увидел, что мне пришлось перегибаться через кресло, стараясь не разбудить спящего ребенка, и решил помочь, а у меня внутри разразился шторм.

Веста, такими темпами ты вернешься к антидепрессантам! – отчитала себя мысленно и села на место, отвернувшись к круглому окошку.

Снаружи царил тьма, но я старательно делала вид, будто увлечена рассматриванием пейзажей.

– У меня был точно такой же в детстве.

Не сразу поняла, что мужчина обращается ко мне, посчитав обмен вежливостями оконченным.

– Заяц, говорю, точно такой, как у вашей дочурки, – повторил он более настойчиво.

Начавший утихать шторм разразился с новой силой. Неужели я где-то ошиблась, и нас все же выследили? Сердце поспешило набрать обороты, удары его сделались почти болезненными.

Первая возникшая мысль забила в черепе, подгоняемая нарастающей паникой: «Нужно разбудить Полинку и поменяться с ней местами!»

Будто так можно что-то изменить! Ну почему в моменты, когда необходимо реагировать трезво и быстро, я впадаю в ступор?

Очень медленно, или мне так казалось в тот момент, повернулась к мужчине. Ему около тридцати пяти лет, может чуть больше. Черты лица грубоватые, мужественные и его вполне можно назвать привлекательным, даже красивым. Чуть впалые щеки, отчего сильнее выделяются скулы, ровный, крупный, но не слишком, нос, четко очерченные губы и едва заметная ямочка на подбородке.

Мозг не просто так анализировал внешность незнакомца. Я судорожно пыталась вспомнить, не видела ли его раньше и с облегчением осознала, что в окружении того, от кого мы с Полинкой вынуждены прятаться, таких мужчин не было. По крайней мере, с ним точно раньше не встречалась. Память на лица у меня всегда была отличной. Но ощущение подвоха не отпускало.

Не хотела отвечать, решив, что мужчине просто стало скучно за время полета. Он вдруг поднял руки и, растянув в улыбке рот, произнес:

– Вы меня раскусили. Про зайца я выдумал, чтобы завязать беседу.

Интересно, если продолжу молчать, он отстанет?

Не отстал. Заерзал в кресле, будто сидеть стало внезапно неудобно, посмотрел на спящего соседа с маской для сна на лице и снова улыбнулся.

Улыбка мужчине очень шла, и была она в комплекте с юношескими ямочками и ровными белоснежными зубами, как в рекламе зубной пасты.

Не знаю почему, но улыбнулась ему в ответ. Я, которая разучилась доверять мужчинам, даже если они были чертовски привлекательны и милы.

Особенно таким!

От одного из них как раз и вынуждена прятаться. Заново научиться верить и открываться в ответ вряд ли когда-то смогу.

– Летите в Лондон? – не унимался не в меру разговорчивый попутчик. Спросил и вдруг легонько шлепнул себя по лбу ладонью. – Извините, всегда становлюсь немного рассеянным в компании красивых женщин. Ну, конечно же, вы летите в Лондон, как и все пассажиры этого прекрасного лайнера. Умоляю, спасите меня от позора, скажите хоть что-то, дайте фору, и я, наконец, смогу подумать, прежде чем отвечать.

– Девушка, да поговорите вы уже с ним, – заворчали из соседнего кресла. – Иначе придется слушать его болтовню на протяжении всего полета.

– Спасибо друг! – Задорно отозвался мужчина и, склонившись в проход, едва слышно, так, что мне пришлось податься ему навстречу, добавил: – Это Кирилл, он редкостный зануда, но мы давно дружим, и я не могу сказать ему подобное в лицо.

– От зануды слышу, – отозвался друг, оттягивая маску так, что стал виден один его глаз. – Посмотрим, как ты утром не заснешь на совещании, птица-говорун.

– Вот видите кого приходится терпеть весь полет. – Мужчина пожал широкими плечами. – И так с начальной школы, когда этого оболтуса посадили за мою парту.

– Кого еще к кому посадили! – наигранно возмутился сосед. Стянул ставшую бесполезной маску, запихнул ее в кармашек на спинке кресла. – Не слушайте его, девушка, он тот еще балабол. Хуже цыган с вокзала, заболтает, оглянуться не успеете, как будете ужинать с ним в ресторане.

Я понимала сейчас разыграли отработанную схему пикапа, и с другой наверняка бы все получилось, но в моем случае включился защитный механизм. К тому же проснулась Полинка и стала требовать внимания.

– Мам, я пить хочу. И в туалет тоже. – Заканючила она.

Скомкано извинившись, поднялась со своего места, взяла за руку дочь и пошла вдоль прохода, позвоночником ощущая на себе чужой взгляд. С трудом подавив желание обернуться, толкнула узкую дверцу, радуясь, что оказалось не занято.

В туалете мы пробыли чуть дольше необходимого, я старалась тянуть время. А когда вернулись, места, на которых сидели мужчины, оказались свободны.

– Ой, мам, смотри, дяденька ушел и оставил вон чего.

Полинка протянула мне чёрный прямоугольник визитки, где золотыми буквами было выдавлено: «Егор Елагин. Коммерческий директор банка Империял»

Дочка с интересом рассматривала свою находку, а мне пришлось схватиться за спинку кресла, чтобы устоять на ногах.

Таких совпадений просто не бывает.

В такси Полинка болтала без умолку, а я никак не могла сосредоточиться. Пришлось одернуть дочь:

– Айрин, пожалуйста, веди себя прилично. Не хочу за тебя краснеть.

Дочурка с самого начала бунтовала против нового имени и теперь сделала вид, будто обращаюсь не к ней.

– Почему ты так себя ведешь? – повторила, смягчившись.

В конце концов, она всего лишь ребенок, на долю которого выпали непростые испытания, и я все время чувствовала свою вину перед ней, отчего не всегда получалось контролировать эмоции.

– Мамочка, не хочу в детский дом. Хочу остаться с тобой.

Большие голубые глаза наполнились слезами, и я сама едва не разревелась.

– Обещаю, что буду вести себя хорошо, только не отдавай меня никому.

– Солнышко, ты все не так поняла.

Я обняла дочку, прижала к себе. Нельзя было, чтобы она видела мою слабость, иначе сможет надавить на болевые точки так, что буду вынуждена передумать, и тогда все планы пойдут прахом.

– Просто поживешь некоторое время с другими девочками, пока мама занимается работой. У тебя там будет много игрушек, сможешь завести новых друзей. Ну, ты чего?

Я приподняла ее подбородок, посмотрела в заплаканное личико. Еще одна слезинка, и точно все отменю! Будет сложнее, но меня хотя бы перестанет грызть совесть за то, что отдала единственного ребенка чужим людям. Пусть и ради ее блага.

Умница! Она все поняла и даже попыталась улыбнуться. От этой улыбки мне стало только горше. Как же быстро повзрослела моя радость. Ты не должна была переживать всего того, во что я тебя втянула. Надеюсь, однажды, сможешь меня простить и происходящее теперь забудется как страшный сон с наступлением рассвета.

– Не волнуйся, мамочка, со мной ведь будет мистер Заяц. Он не позволит меня обижать.

Игрушка получила такое прозвище после долгих и бесплотных попыток подобрать ему имя. Полинка отбраковала все предложенные варианты и в итоге произнесла: «Как же нам вас называть, мистер заяц?»

С тех пор он так и оставался мистером без имени.

– Я обещаю, что ты даже не успеешь по мне соскучиться, когда вернусь и заберу тебя домой.

Очень хотелось верить в свои же обещания. Сомневаться в них было нельзя, Полинка обязательно почувствует фальшь и уже ни за что меня не отпустит.

– К тому же сможем созваниваться каждый день. Ты будешь рассказывать, как провела время, чего кушала и во что играла. Хорошо?

– Хорошо, мамочка. – Полинка потянулась и чмокнула меня в щеку. – А куда мы сейчас едем?

– Я забронировала для нас номер в отеле. Оставим вещи и пойдем гулять. Будем есть мороженое и кормить голубей, а вечером поплывем по реке на кораблике. Помнишь, как мы плавали с тобой, пока не уехали из дома?

– Не хочу домой! – Надулась она. – Я больше не люблю папу, он тебя обижал.

Волна жара накрыла меня с головой. Долго старалась скрыть от Полилки свои синяки, улыбалась, когда она водила пальчиком по моей коже и спрашивала, что это за разноцветные пятнышки. Я на все расспросы отвечала, что специально нарисовала их для игры. Иногда Полинка хмурилась и неожиданно начинала осторожно дуть на ушибленные места и жалеть меня.

Я ужасная мать, если допустила для ребенка подобное.

– Приехали, мисс, – сказал водитель, мягко паркуясь возле здания похожего на средневековый особняк. – Отель Парк Рояль. Помочь вам с багажом?

Сказано было из вежливости. Он видел, что у меня при себе нет никаких вещей. Привычка выработалась после нескольких срочных отъездов, которые позволили понять, что с собой можно брать самое необходимое, помещающееся в небольшую, удобную сумку.

В номере Полинка первым делом забралась на большую кровать и принялась прыгать на матрасе. Ее белокурые кудряшки пружинками скакали по плечикам, на круглом личике не осталось и следа от недавних слез.

Я попросила дочку побыть некоторое время без меня, сама же отправилась в душ, где наконец-то смогла обдумать произошедшее в самолете.

Отсутствие мужчин на их местах не насторожило, мало ли куда они могли выйти и вновь вернуться. Но когда в моей руке оказалась визитка, перед глазами все поплыло, меня качнуло в сторону, из-за чего и пришлось схватиться за спинку кресла, только бы не упасть.

Егор Елагин известен в узких кругах как Император. Я никогда не встречалась с этим мужчиной лично, просто не было необходимости. Но много раз слышала его имя от своего мужа Матвея. Елагин управляет банком, в котором имеется доля моего супруга.

Банк Матвеем выбирался по нескольким критериям, один из которых – пафосное название. Его мания величия и мещанская пошлость вместе образовывали взрывную смесь. Наш дом, например, напоминал свадебный торт с лепниной и позолотой, антикварной мебелью, посудой, из которой пили и ели короли прошлых столетий. Меня всегда удивляло желание мужа выставлять свое богатство напоказ, но делать все настолько топорно и откровенно вульгарно, что иногда становилось стыдно перед гостями. К слову, таковые к нам заглядывали не часто. А последний год перед побегом я и вовсе жила затворницей, в то время как он мог уезжать на несколько дней и даже недель. Возвращался всегда счастливый, нередко пахнущий женскими духами, с перепачканными помадой сорочками.

Если бы не некоторые его особенности и привычки, моя жизнь была бы похожа на анекдот про нуворишей из девяностых. Только смеяться в конце мне ни разу не пришлось. Да и конца пока не видно.

Находясь в постоянных бегах, я убедилась, что все сделала правильно и найти нас с дочкой практически невозможно. Но мысли о тщетности всего посещали с завидной регулярностью, сокращая время между визитами. И уже не понятно, что страшнее: нас однажды обнаружат и вернут, либо мое полное выгорание по итогу, когда сама сдамся, положив голову в пасть хищника.

А пока мучилась неизвестностью: узнал ли меня Елагин? И знал ли в принципе? Почти уверена, Матвей не смог бы удержаться от желания похвастать перед другими своей идеальной семьей, каковой мы и выглядели со стороны. Меня он всякий раз показывал будто дорогую статуэтку, разве что не ставил на табурет, как в детстве перед Дедом Морозом, и не требовал читать стихи.

Показывал, пока не пришла ревность.

Мне запретили пользоваться социальными сетями, телефонные разговоры, эсэмэс-сообщения и электронная почта тщательно мониторились. По всему дому были распаханы камеры, даже в туалет не могла пойти без присмотра.

Говорят, человек ко всему привыкает. Я не смогла привыкнуть жить в клетке, насколько бы не были блестящими и гладкими ее золотые прутья.

Как оказалось, ревность являлась лишь началом кошмара, начавшегося совсем скоро. В ушах до сих пор стоит голос, щедро сдобренный гневом и ненавистью:

– Можешь кричать сколько угодно, тебя никто не услышит. Я обо всем позаботился.

И я молчала. Сколько могла стискивала зубы, зажимала рот рукой, пока крик не прорывался сквозь все преграды. Было страшно, но больше всего боялась за Полинку. Казалось, что, когда ему станет мало меня, он примется за дочь.

Довольно быстро стало понятно: моего мужа возбуждает власть, чувство владения другим человеком, находящимся в его полном распоряжении.

Для некогда любящего и любимого я стала вещью.

Хотела все изменить, но не знала как.

Даже сбежать решила не сразу. Боялась, что он схватит еще до того, как я переступлю порог дома. Матвей, при всем контроле и постоянном надзоре, будто бы и не мешал мне покинуть дом. Двери никогда не запирались, на окнах не висели решетки, у нас даже охраны специальной не было, кроме общей на коттеджный поселок.

Мне бы радоваться, а я боялась, создавала и растила в себе фобию за фобией. Он будто играл со мной, отпускал длинный поводок, чтобы в самый неожиданный момент натянуть его на манер удавки.

В день побега почти струсилась и почти вернулась, когда увидела бледное личико Полины, смотрящей на меня полными мольбы глазёнками. Она мало говорила в то время, за что я так же ощущала свою вину. Ведь в любом конфликте родителей первыми всегда страдают дети.

С тех пор почти три года мы находились в постоянном движении, как две кочевницы без рода и племени. Денег с каждым днем становилось все меньше, и пора было задуматься о будущем дочери. Скоро ей придется пойти в школу, а мне устроится на работу. Муж запрещал даже это. А ведь я когда-то преподавала иностранные языки в университете и была на хорошем счету у начальства и коллег.

Без работы скучала, и чтобы хоть как-то закрыть возникшую брешь, обучала языкам Полинку. К своим пяти годам она уже неплохо говорила на английском, что серьезно облегчало наше передвижение.

В пансионате никто не должен даже предположить, что девочка русская. Для Полинки все происходящее вообще представляется игрой. По крайней мере я так думала, пока сегодня в такси она не попросила не оставлять ее одну.

Моя бедная крошка.

Круговорот мыслей заставил меня вернуться к Елагину. Поверить, что наша встреча случайна никак не получалось. Стюардесса, к которой я обратилась к концу полета, утверждала, что указанные места выкуплены, но их никто не занимал. Приставать к другим пассажирам с тем же вопросом не решилась. И если бы Поинка не подтвердила, что "дядя там был", точно бы решила, что свихнулась.

Так и стояла бы, сжимая в руке визитку и дожидаясь санитаров.

Возникла даже шальная мысль позвонить Елагину и расспросить обо всем с пристрастием. Он чересчур явно намекал на это. Но если его подослал мой муж. Почему тот просто не схватил меня в аэропорту или не проводил до отеля, чтобы потом сдать своему заказчику?

«Веста, успокойся! С чего бы руководителю крупного банка брать заказ на слежку за тобой? Для этой цели существуют специально обученные люди. Ты превращаешься в параноика! – Только я так подумала, как мозг пронзила новая мысль: – Если только Елагин не делает все по дружбе...»

Выйдя из душа, обнаружила спящую Поинку. Она лежала в центре кровати, раскинув ручки в стороны. К мокрому лбу прилипли волоски, под тонкой кожей век быстро-быстро двигались глазные яблоки.

Первым делом я, стараясь не разбудить, раздела Поинку и уложила под одеяло, после чего подошла к окну и, отодвинув штору, выглянула на улицу. Героини фильмов так делают, если хотят узнать следят ли за ними, и в тот самый момент, когда они смотрят сквозь стекло, на них снизу пялится подозрительный тип.

Елагин не был подозрительным, с такой внешностью он вообще не смог бы затеряться в толпе, и как не всматривалась, никого даже близко похожего на него не обнаружила.

Глупо, наверное, но этот факт помог мне немного успокоиться.

Однако, вопрос о странном появлении и последующем исчезновении Егора Елагина из самолета оставался открытым, и я чувствовала, что должна во всем разобраться, даже если в итоге окажется, что все бесполезно.

ГЛАВА 2

ЕГОР

Поездка обещала стать самой выгодной в его жизни. А он дурак еще отнекивался и пытался найти повод для отказа. Поверить в свою удачу до конца не получалось, пока он не поговорил с той самой, которая станет решением для всех его проблем.

Веста Александровна Лебедева собственной персоной появилась, будто богиня из пены морской, единственное отличие в том, что вышла она из стены дождя в здании аэропорта. Или получается, что не вышла, а вошла? Плевать! Главное – вот она. Живая и настоящая.

Почти три года Матвей Лебедев водил его за нос, оставляя каждый раз у разбитого корыта. Дошло до того, что Егор всерьез задумался нанять киллера для строптивного партнера.

Лебедев стоял у него костью в горле, не желая распрощаться со своими жалкими пятнадцатью процентами акций банка, отделяющих Егора от абсолютного контроля над активами.

Отговорка всегда была до безумия глупая и какая-то фальшивая. Это теперь он понимал, что фальшивая, а тогда даже верил.

– Егор, я бы с радостью, но жена встала в позу и ни в какую не соглашается на сделку. Сам понимаешь, не могу без ее решения пойти на такой серьезный шаг.

– Не будь каблуком, Матвей.

Егор пытался давить на мужскую гордость Лебедева. Тщетно. Тот продолжал стоять неприступной скалой, в которую Елагин бился подобно волне, разлетаясь на мириады брызг.

– С каких пор за тебя что-то баба решает?

– Не могу, не уговаривай. Если Веста даст добро, подпишем все в тот же день. Я сам затрахался с этим твоим «Империадом», бабки можно пустить во что-то более выгодное, а она твердит одно и то же: у нас дочь, и нужно думать о ее будущем.

Лебедев был настолько убедителен, что потенциальный киллер почти получил заказ на двоих человек. Увы, отморожком Егор Елагин не был, проблемы решал цивилизованно, за что и страдал.

С тех пор он упорно старался выйти на жену партнера, надеясь уговорить ее, убедить, расписать все преимущества сделки. Старался, да только натыкался все на ту же скалу и никак не мог найти лазейку.

Три года он угробил на пустые попытки выйти с ней на связь, искал по социальным сетям, пробивал номер через общих знакомых, но все, что смог нарыть – фото. Один единственный снимок, на котором барышня натужно улыбалась, пока любящий супруг обнимал ее за тонкую талию.

Ему бы дураку подумать, сложить дважды два, сразу стало бы ясно, что его партнер прячет жену, не выпускает в свет. Может ее и вовсе давно нет среди живых. Синяя Борода нашего времени, не иначе.

Веста Лебедева по мнению Елагина не была красавицей, но и простушкой такую не назовешь. Появившись, как черт из табакерки, она мгновенно превратилась в серого кардинала. Слухи о ней ходили разные, вплоть до того, что девушка работала училкой английского и французского в каком-то заштатном университете, пока не стала женой одного из самых влиятельных людей Перми. Егор не поленился, добрался до ректора учебного заведения, где его ждал полнейший провал. Никакой преподавательницы английского с именем Веста у них никогда не числилось.

Оказавшись в тупике, Елагин почти отчаялся, пока сегодня не встретил ее в аэропорту. Планы пришлось менять молниеносно, чему сильно сопротивлялся Кирилл, который и выта-

щил его на неделю в отпуск. Но друг, в отличие от того же Матвея Лебедева, скалой не был, его даже пригорком не назовешь, так – кочка на пути. Они дружили со школы и как Елагин привык списывать его домашние задания, так и не расстался со старой привычкой. Только теперь он списывал гениальные идеи неприметного тьюфака, в малосимпатичной голове которого бурлили такие инсайты, что ради них конкуренты не раз пытались перекупить Кирюху.

Елагин оставался спокоен. Его друг был из той породы людей, что выбирали себе круг общения раз и навсегда. Он следовал как верный пес, разве что хвост не отрастил, чтобы вилять им при встрече.

Егор ценил Кирилла. Не только как незаменимого сотрудника, но и как товарища тоже. Он был удобен во всех отношениях: мог прикрыть, когда это было необходимо, подвезти до дома из клуба, даже телкой однажды поделился, с которой познакомился и вроде как влюбился. Но Егору она понравилась больше, и друг уступил.

А для чего еще нужны друзья?

Телку Елагин вышвырнул через неделю. Пустышка, открывающая рот в двух случаях, чтобы в него сунули член или же попросить денег на новый телефон.

Таких у него было пруд пруди, и еще одна погоды не сделала. Да, Кирилл благодарить его должен за то, что ему глаза открыли на меркантильную суку.

Увидев в аэропорту знакомое лицо, Егор опешил, не зная, как поступить дальше. Его креатива не хватило даже на более или менее убедительное обоснование причины, по которой Мальдивы придется отложить до нужных времен.

– Видишь телку с ребёнком?

Он толкнул идущего впереди Кирилла в спину, отчего тот едва не упал.

– Надо узнать куда она летит и взять билеты на тот же рейс. Сможешь?

Кирилл мог все. Правда, по его обиженной физиономии не сразу стало понятно сделает он это или нет, и Егор на всякий случай решил дожать:

– Если получится, обещаю взять отпуск на месяц. – Подумал немного и добавил: – В следующем году.

Друг что-то пробурчал, всучил ему свой рюкзак и ссутулившись отправился исполнять приказ.

Вернулся он спустя сорок минут.

– Дамочка летит в Лондон. Билеты взяла самые дешевые. Ты уверен, что не ошибся? Не похожа она на жену миллиардера.

Кирилл заглядывал в глаза с плохо скрываемой надеждой. Мол, зачем ввязываться в сомнительную авантюру, когда ждут жаркие острова с не менее жаркими девчонками.

– Я ни в чем не уверен, дружище. – Егор потрепал товарища по плечу. – Но, если не проверю, чувствую, что в последствии пожалею.

– На одной чуйке далеко не уедешь, а вот пролететь почти десять тысяч лишних километров можно запросто. И пролететь здесь стоит совсем не в том значении, которое напрашивается в здании аэропорта.

Кирилл едва не плакал, сжимая в руке купленные ранее билеты. Скорее всего надеялся на изменение решения. Но он знал, если Император решил, сломить его волю практически невозможно.

Прозвище свое Егор знал и тайно гордился им. Пусть другие знают свое место, он же с удовольствием посмотрит на них сверху вниз. Мужчина часто думал, что в чересчур романтизированных девяностых мог бы занять неплохую нишу, подмяв под себя не только банк, но и пару заводов какой-нибудь химической отрасли. А такие, как упрямец Лебедев, пахали бы от зари до зари за мизерную инженерную ставку и не смели глаз поднять на хозяина.

– Давай так, Кирыч, – азартно потер руки Егор, – если телка не та, обещаю отложить все дела и первым же рейсом из Лондона летим в любую точку мира. Я за все плачу, а по возвращении еще и премию тебе выпишу за усердный труд. По рукам?

– Ага, по рукам, как же! – Кирилл демонстративно порвал билеты тонкой нитью, соединяющей его с отпуском, и выбросил в ближайшую урну. – Чего я тебе против поставлю, подумал?

– Отдашь свою бессмертную душу.

Егор сказал это таким страшным голосом, что вокруг них образовалась небольшая пробка из пассажиров. А он еще и захохотал сатанинским смехом для пущей убедительности. Какая-то женщина перекрестилась, быстро зашевелила губами и, вцепившись в чемодан, побежала прочь.

Народ быстро потерял интерес к происходящему, а мужчина еще долго припоминал Кириллу свой спонтанный аншлаг.

– Ничего не нужно, просто поспорим, – неожиданно легко сдался Егор. – Во сколько у нас рейс?

– Через два часа, – тоскливо отозвался окончательно поникший Кирилл, посмотрев на табло, где как раз объявили посадку на рейс до Мале.

Оказывается, он совсем забыл каково это летать экономом. Ноги упирались в спинку предыдущего кресла, откинуться назад было нельзя, сзади начинали стучать и возмущаться.

Кирилл предвидел ситуацию и выкупил места заодно и в бизнесе, куда они вместе перебрались, как только предполагаемая Веста Лебедева отправилась в туалет, прихватив с собой ребенка.

Егор больше не сомневался в своей правоте. Жена его компаньона сидела в полутора метрах. Полтора метра отделяли его от абсолютной власти над активами банка и целая пропасть от девушки, которая явно не собиралась идти на контакт.

Для него подобное поведение было практически новинку. Он уже и забыл каково получать отказ от женщины. Был в его биографии темный момент, который не хотелось вспоминать, и после него Елагин кардинально изменил свое отношение к противоположному полу. С тех пор много воды утекло, мужчина осознал свою сексуальную притягательность и не гнушался пользоваться даром природы.

Иногда казалось, что даже Кирилл испытывает к нему вовсе не дружеские чувства, слишком уж навязчивым с каждым годом становилось его присутствие в жизни Егора. Это теперь понятно, что без товарища он бы шел к своей цели гораздо дольше и, возможно, не успел бы подстелить соломки там, где верный друг бросал для него толстую перину, тогда же сомнения едва не довели до прекращения их дружбы.

Подкатить к дамочке все никак не получалось, пока сама судьба не пришла ему на подмогу. Лебедева летела не одна, а вместе со своей дочерью, которую звали каким-то вычурным именем Алисия или Саманта, он не запомнил, но именно девчонка стала поводом для знакомства.

Пусть оно и получилось односторонним, но дальше уже как-нибудь справится.

Девчушка уронила плюшевого зайца и, прежде чем ее мать успела подобрать игрушку, Егор кинулся ей наперерез, на ходу наплетя какой-то чуши.

Лебедева окатила его тонной презрения, раскусив неуклюжий маневр, и, если бы взглядом можно было испепелить, от Егора не осталось бы даже воспоминаний. Был Император и весь вышел.

Но кроме презрения было в ее глазах еще кое-что, темное, всепоглощающее. Мужчина без труда распознал ту темноту, не раз видел ее у других.

Страх. Пожирающий, лишаящий рассудка. Густо замешанный на опаре из ненависти и презрения, он становился настоящим оружием. Ох, не завидовал Елагин тому, против кого это оружие будет применено.

Или Лебедева его узнала и выпустила весь запал немедленно? Он абсолютно уверен, что никогда с ней не встречался, и даже случайно столкнуться где-то они не могли. Супруга партнера вела очень замкнутый образ жизни, не появлялась на светских тусовках, чтобы потрясти силиконовыми сиськами и пудовыми бриллиантами перед другими такими же курицами при богатых папиках. Хотя, сиськи у нее скорее всего свои. Небольшие, но упругие, аппетитно выдающиеся сквозь тонкую ткань кофточки. Да и задница отличная. Егор поймал себя на мысли, что рассматривал ее все время, пока дамочка шла по проходу в туалет.

Не верную стратегию он выбрал! Лебедева не повелась на его образ дурочка, стусевавшегося при виде красивой девушки, вела себя холодно, нарочито держа дистанцию.

Ну ничего, и не таких ломали!

Еще и Кирыч, зараза, нисколько не помог. Нацепил на морду маску для сна, а ведь перед поездкой хорошо отоспался, чтобы по прилету сразу нырять в море. Свои пять копеек он вставил, но как-то без огонька, и рыбка легко сорвалась с крючка.

Пока сорвалась. Никуда она от него не денется.

– Все, хватит, наигрались, – сказал мужчина другу, когда тот попытался снова спрятаться под маской. – Оставлю ей визитку, если не дура, все поймет.

– А если дура?

Маска оказалась на лбу, и из-под нее на Егора смотрели светящиеся азартом глаза. Он похоже начинал втягиваться в игру. Так даже лучше.

– Мне же проще. Только думается с дамочкой придется повозиться.

– Снова чуйка?

– Она родимая. Ладно, пошли на наши места, у меня уже спина деревянная.

Напоследок Елагин перебросился парой фраз с улыбающейся стюардессой, и та без труда согласилась подтвердить, что его здесь никогда не было, а визитка появилась из воздуха. Точно такая же отправилась напрямиком в декольте самой бортпроводницы.

Соблазн догнать дамочку и поговорить немедленно был настолько велик, что Егор едва ему не поддался.

Понимал, нахрапом такие дела не делаются, он не первый день в большом бизнесе, и подобные решения приходилось принимать много раз.

Спешка – худшее, что можно сейчас предпринять.

Радовало одно, встреча обещает быть неформальной. Даже если Лебедев ему не врал и все дела в руках его жены, разговаривать с женщинами Егор умел и даже любил. Лучшее место для таких разговоров тихий ресторанчик в каком-нибудь живописном месте, где даже самая зубастая бизнес-леди спустя несколько минут задушевных бесед и пары бокалов шампанского, превращалась в мурлыкающую кошечку.

А уж роль кота он сыграет без запинки.

Елагин вообще не любил нудных заседаний в тесных пространствах переговорных, они его буквально душили. По той же причине он никогда не носил галстуков, чем поначалу вызывал молчаливое осуждение партнёров, мол, будь любезен соблюдать общие правила, пусть сами их и придумали. Мы мучаемся, и ты давай с нами.

Нет уж, дудки!

И ведь подобное нафталиновое ханжество процветало исключительно на постсоветском пространстве, только там люди старались казаться важнее, чем они есть. Когда кроме дорогого костюма и тугой удавки от известного бренда показать нечего, начинаются ритуалы и уставы.

Егор считал себя во многом бунтарем и первопроходцем. Например, он одним из первых разрешил сотрудникам своего офиса приходить в свободной одежде, которая не отвлекала бы от рабочего процесса. Исключение делалось только для тех, кто напрямую контактировал с клиентами. Но здесь срабатывал другой триггер, опять же тесно завязанный с почти генетической памятью «наших» людей, для которых костюм и галстук приравнялись к успеху, стабильности и надежности. С таким бороться – себе дороже.

Деньги для Егора всегда были на первом месте, стояли даже превыше свободы, которую он особенно рьяно отстаивал. Финансы стали для него синонимом свободы. Слишком долго ему приходилось выкарабкиваться из тотальной нищеты, чтобы теперь пренебрежительно бросать лживые фразы вроде той, что счастье не в богатстве. И если слышал от кого-то расхожую глупость, работать с таким человеком прекращал автоматически без объяснения причин. Психология нищего человека заразна, а он не для того столько времени лечился, чтобы снова подхватить ту же болячку.

Пока думал, такси, в которое юркнула дамочка, едва не скрылось из виду. Водитель их машины ехал настолько неспешно, что начинал бесить. Так и хотелось выкинуть его из-за руля и вдавить педаль газа в пол. Роба у таксиста при все этом оставалась каменной, хоть бы улыбнулся разок.

– Можно немного быстрее, я опаздываю на важную встречу, – поторопил Елагин, тщательно следя за своим акцентом, стараясь не выдать в себе иностранца.

– Здесь ограничения по скорости, – не меняя выражения лица, одними губами ответил водитель, – скоро выйдем на шоссе и сможем ехать быстрее. Прошу прощения за возможные неудобства.

Вот таких Егор просто не переваривал. Сидит с застывшей миной, хотя в душе наверняка проклинает и своего пассажира, и ненавистную работу, где приходится терпеть выговоры подобных ему снобов.

Благо тачка, в которой ехала Лебедева, тоже заметно снизила скорость, их разделяло всего два авто, теоретически импровизированная погоня не должна была сорваться. Но делать ставку на теорию мужчина не мог, слишком многое стояло на кону.

Если дамочка не позвонит сама, придется брать ее штурмом. Он сумеет, тщательно подготавливаясь и выступит на тропу войны во всеоружии. У той просто не останется шансов на спасение. Пантера обязательно обернется пушистой киской.

Кирилл глазел в окно. В городе был впервые, и ему все казалось новым и необычным. Проведя полжизни в нищете, он до сих считал апогеем шикарного отдыха валяться кверху пузом на пляже, где никто не говорит на его родном языке. Как и большинство ему подобных, не знал зачем так поступает, но упорно требовал отель «без русских» и сильно собой гордился.

Егор же предпочитал путешествия по Европе. Жариться под палящим солнцем в окружении потных тел ему никогда не нравилось, даже в своей прошлой жизни, когда Эйфелева башня казалась чем-то вроде кратеров на луне. Ее точно так же можно увидеть по телевизору, но никогда не оказаться в шаговой доступности.

К слову, первая поездка во Францию его разочаровала. Может потому, что на локте постоянно висела крашенная кукла, требующая обойти все бутики и рестораны, может и по какой другой причине, но проникнуться магией «столицы любви» у Елагина так и не получилось.

Вот Лондон – другое дело.

Он сравнивал себя с этим городом. Богатый, красивый и строгий. У него были свои правила, не похожие ни на какие другие. Здесь до сих пор сохранялась монархия, а у него была

собственная империя. Выходило, что переплюнул саму королеву, потому как, в отличии от нее, в своей империи он единственный самодержец.

Почти единственный.

– На Москву похоже, – протянул очарованный видами Кирилл. – Только все равно другое: будто здания отмыли, отполировали и выставили напоказ. Нет ощущения, что здесь живут люди. Как в музее.

– Ты просто никогда здесь не бывал, – с плохо скрываемым превосходством в голосе остудил его романтический пыл Егор. – Если какой-то провинциал приедет в ту же Москву, у него глаза разбегутся. Будет ходить, глазеть и бояться руками потрогать. Та же история с музеем.

– Ну не знаю, – немного обиженно ответил друг, будто ребенок, которого провели по парку аттракционов, но не позволили покататься ни на одной карусели. – Ты может и привык к подобному, а мне оно в новинку. Мальдивы, конечно, круче. Там солнце и пляж. А тут что? Кстати, а где туман?

Егор рассмеялся.

– Байка для туристов. Точнее не совсем так. Когда-то Лондон и в самом деле утопал в смоге, но то был дым от промышленных производств. Прозвище «Туманный Альбион» пошло из тех времен. В наши дни он почти не отличается от любого европейского города своим климатом, хотя больше других подвержен образованию туманов.

– Тебе бы экскурсоводом работать.

Кирилл не упустил возможности уколоть Егора в ответ. И пусть месть оказалась слишком незначительной детской шалостью, свою порцию удовлетворения он получил.

– Обязательно подумаю над твоим предложением. Пока останусь на прежнем месте, если не возражаешь. Эй, а куда наша дамочка подевалась?

Такси Весты Лебедевой в самом деле исчезло. На его месте теперь плелся старенький «Фиат».

– Эй, мистер, вы не заметили куда свернула машина, ехавшая перед нами?

Кирилл вытянул шею, будто так мог увидеть гораздо дальше сквозь автомобильный поток.

– Налево, – беспристрастно ответил водитель. – Там ничего нет, кроме отеля Парк Рояль. Частная гостиница, хозяйка специально выбирала уединенное место, но, чтобы до города не приходилось добираться часами. Если желаете, могу отвезти вас туда. Скоро будет развязка, там развернемся.

В холле отеля их встретила улыбающаяся девушка портье. Кирилл едва не перевалился через стойку, его лицо оказалось практически на одном уровне с лицом барышни.

Напуганным и бледным лицом, между прочим.

– Извините моего друга, – как можно благодушнее обратился к ней Егор, оттаскивая его. – Дело в том, что приехал издалека и очень устал в дороге. Вообще-то он не пьет, но сложный перелет, почти сутки без сна. Вы ведь меня понимаете?

– Понимаю, мистер, – вышло колена кивнула девушка и Елагин подумал, что многое бы отдал, чтобы посмотреть не прицелкнула ли она каблучками одновременно с этой фразой. – У вас забронирован номер?

– Нет. Но надеюсь, вы нам поможете. Моя коллега приехала сюда примерно полчаса назад со своей маленькой дочкой. Она горячо рекомендовала именно ваш отель.

– Хорошо. Я сделаю все, чтобы ваши ожидания оправдались. – Девушка кивнула и, потеряв интерес к пускающему слюни Кириллу, начала щелкать мышкой, глядя в монитор компьютера.

– Я, кажется, влюбился. – Кирилл перешел на русский, но все равно говорил шепотом. – Ты только посмотри какая красотка. Если все девушки здесь такие же, давай останемся. А?

– Кирыч, у тебя спермотоксикоз, развившийся на фоне завышенных ожиданий к отпуску, который, увы, обломался. Угомонись и подумай о нашем деле. Мы сюда не загорать приехали.

– Да уж позагораешь тут, – совсем по-девчоночьи фыркнул он и отвернулся к окну в холле. – Если тумана еще нет, завтра по закону подлости он будет таким, что собственных ладоней не увидишь.

– Выключай пессимиста, – так же по-русски ответил Егор и, перейдя на английский, обратился к портье: – Если можно, разместите нас рядом с моей коллегой. Ее имя Веста Лебедева.

– Прошу прощения, мистер Елагин, но мы делаем все, чтобы наши гости оставались довольны. Вы можете позвонить ей, она спустится и даст согласие на проживание в соседних номерах.

Девушка замолчала и выжидающе уставилась на него.

Рассчитывать на удачу было глупо, поэтому Егор достал телефон, сделал вид, что набирает номер. Все это время сотрудница отеля, не отрываясь глазела на него, того и гляди дыру прожжет.

– Наверное телефон разрядился, – он развел руками, слушая тишину в трубке.

– Ничего страшного, позвоните ей позже, и мы подберем другой вариант без дополнительной оплаты. Пока могу предложить на выбор три комфортабельных комнаты. Вам важно, чтобы вид из окна был на город или устроит внутренний дворик? Там красивый сад и очень тихо в любое время суток.

Плевать ему на вид из окна. Он вообще не собирается торчать здесь. Быстро решит свои дела и полетит обратно праздновать победу.

Так думал Егор, пока девушка вела его и Кирилла по коридору к номерам. Мужчина еще не знал, что его планы стоят на грани краха, ведь в тот самый момент Веста Лебедева набирала номер своего мужа, чтобы сообщить о возвращении домой.

ГЛАВА 3

ВЕСТА

Никак не решалась набрать номер, который помнила наизусть. Пальцы дрожали, здравый смысл противился задуманному. Но мне нужно было поставить точку в бесконечном кошмаре, и я почти уговорила себя позвонить Матвею, сказать, что намерена вернуться и обсудить нашу ситуацию, как цивилизованные люди. В конце концов он должен меня понять и отпустить.

На оставшиеся деньги планировала нанять адвоката, с которым общалась последние четыре месяца, и он обещал помочь, дал обнадеживающий прогноз, сказав, что все права на воспитание дочери обязательно перейдут ко мне. Единственное, что требовалось – вернуться домой, иначе муж может подать заявление в полицию о похищении ребенка.

Ради Полинки я готова на все, даже снова войти в клетку к чудовищу. К тому же теперь буду не одна, Матвей не посмеет причинить мне вред в присутствии постороннего человека.

«А если все будет не так?» – Толкнула в мозг незваная догадка.

Мне казалось, что все распланировала. По возвращении в Пермь жить можно в гостинице, куда мужу не будет доступа. Обязательно нужно уговорить поселиться в соседнем номере адвоката, пока длится процесс, что скорее всего не составит особого труда. После мы с дочкой снова уедем уже навсегда, но не будем больше оглядываться, ожидая преследования.

Мысли образовали безумный хоровод, в центре которого стояла я, и голова кружилась от пестрых пятен и образов.

Матвей способен на любую подлость и низость. Хорошо его изучила, пока мы были вместе, и он точно не остановится ни перед чем. Что если его адвокаты окажутся сильнее моего? Для него ведь ничего не стоит преступить закон. С его-то деньгами и связями.

Я запуталась. Сама себя убеждала верить в лучшее и сразу находила уйму аргументов против.

Ведь все может пойти совсем не так, как представляю. Меня могут похитить в аэропорту и привести к нему силой. Не успею забрать Полинку, и она решит, будто мама ее бросила, начнут разбираться, выйдут на отца и...

Я сжала голову руками, опустила на колени. Схема, которая должна была принести спасение для нас с дочерью, разваливалась на глазах. Ничего не получится. Матвей слишком хитер и озлоблен, чтобы вот так запросто пойти на уступки. Нет, он сделает все, чтобы растоптать меня, и никакой адвокат здесь не поможет.

О чем я вообще думала?

И как теперь быть?

Решение родилось внезапно. Оно горело золотом на черном бархате, дарило надежду и вселяло трепет одновременно.

Егор Елагин великий и ужасный Император. Ему нет до меня никакого дела, и все же я собиралась обратиться к нему за помощью.

Кое-что знала о нем и теперь попытаюсь перевести знание в свою пользу. Если он поверит и доверится, ситуацию можно развернуть таким образом, что расставленная ловушка обернется против самого Матвея.

Он хочет найти меня, и он получит желаемое.

Я даже не предполагала, что мой единственный козырь не сыграет. Прошло много времени, и Матвей вполне мог договориться с Елагиным, продать ему свою долю акций. Такое развитие событий не учитывала, была уверена в своей близкой победе. Наверное, поэтому ни в чем не сомневалась и не медлила.

Мой муж всегда считал меня недалекой, потому не скрывал свои дела, вел их буквально под носом. Некоторые телефонные переговоры и вовсе проходили в спальне, пока пыталась прийти в себя после его пыток, которые сам Матвей называл любовными играми.

Давно зажившие шрамы начали зудеть. Я отчетливо услышала свист семихвостки, рассекающей воздух, и невольно зажмурилась, приготовившись к яркой вспышке боли. Разумеется, ее не последовало. И хотя подобные приступы накрывали меня с завидной периодичностью, становясь более частыми и почти реальными, привыкнуть к ним так и не смогла.

Бывало, что вскакивала ночью от ощущения холодных прикосновений, будто по моей коже медленно проползала ядовитая змея. Я слышала шорох, сплетающийся с томным стоном, переходящим в тихое звериное рычание. Так жестокое нутро моего мужа пробивалось наружу.

Как кого-то могут заводить все эти звуки и шорохи, за которыми приходит настоящая боль?

Я оказалась не готова к ней. Да и как можно подготовиться к ощущению вздувающейся и тут же лопающейся кожи?

Моей собственной кожи.

Как научиться получать удовольствие от теплых струек крови, стекающих по позвоночнику? Даже тот факт, что не одна струйка так и не доползла до поясницы, слизанная жадным языком несколько не умоляет перенесенного кошмара.

Кто-то скажет, что подобное нельзя терпеть и нужно уходить от такого мужчины при первых признаках агрессии. Я сама придерживалась похожих взглядов и ненавидела себя за проявление слабости, которая однажды почти довела меня до психушки.

Первый раз, когда попросила у Матвея развод, он улыбнулся, посмотрел на меня почти ласково, а потом без предупреждения и практически без замаха ударил по щеке. Показалось, что он сломал мне челюсть, такой силы оказался удар. До того дня муж никогда не осмеливался бить по лицу, для него подобное было под запретом. Красивая кукла должна была оставаться целой хотя бы снаружи. Не важно, что внутри у нее все давно умерло.

Плакать было нельзя. Еще одно правило, которое я усвоила довольно быстро. Откровенно говоря, плакала всего однажды, после чего три недели пролежала в постели с переломанными ребрами. Лебедев даже доктора ко мне пригласил только на второй день, когда уже не могла сдерживать криков.

И все время я думала только обо дном, чтобы он не тронул Полинку.

Матвей всегда относился к нашей дочери прохладно. Он не обделял ее деньгами, но не давал самого главного – отцовской любви. А ведь Полинка была долгожданным и выстраданным ребенком. Сколько мы прошли испытаний, чтобы осуществить нашу общую мечту, сколько провели бессонных ночей в ожидании хороших новостей, но каждый раз доктора разводили руками, повторяя одно и то же: никаких патологий у обоих родителей не обнаружено, и почему не наступает беременность объяснить сложно.

На искусственное оплодотворение пошли уже без особой веры в удачу. Меня предупредили о возможном повторении процедуры несколько раз, я была готова.

Так мне тогда казалось...

После третьего курса гормональных препаратов, подсадки и очередного фиаско провалилась в депрессию. Хорошо, что рядом все время находился любящий меня мужчина.

Тогда еще любящий и любимый. Плетка семихвостка только готовилась издать свой первый свист над моей кожей.

Матвей не отходил от меня ни на шаг, был готов исполнить любой каприз, лишь бы я улыбнулась. Мы даже сексом заниматься перестали, он напоминал нам обоим об общей беде. Муж справлялся как мог, несмотря на высокую активность в интимном плане, ему приходилось терпеть. И он терпел, ни разу не упрекнув меня в холодности.

Если бы тогда развелись, все могло быть совершенно иначе. Я хотела сказать, хотела умолять его прекратить мучить друг друга. Не смогла. До сих пор виню себя за ту слабость.

С другой стороны, не настоял бы тогда мужчина на самой последней попытке, Полинка скорее всего не родилась бы. Да и я еще не догадывалась, какая куколка совсем скоро оживит своими криками и требовательным плачем дом, ставший для меня в последствии темницей.

В тот последний раз все происходило иначе. Весть путь прошла вне дома. Меня поместили в медицинский центр, и за такое решение была благодарна Матвею. Ведь я начала винить мужа в наших неудачах, считала, что только из-за него у нас до сих пор ничего не получилось. Никогда не говорила ему об этом в лицо, но скорее всего он чувствовал, догадывался, потому и пошел на подобный шаг.

Так было лучше для нас обоих.

Могла ли знать, что из одной изоляции я сразу окажусь в другой, откуда сбежать будет совсем непросто.

Домой меня отпустили лишь на третьем месяце долгожданной беременности, доктора боялись выкидыша или замирания развития плода. Все время, что провела в палате, медики обращались со мной как с фарфоровой чашкой династии Мин, что очень скоро начало раздражать, почти выбешивать. Я жила по четкому режиму, в котором все было расписано по минутам, от прогулок на свежем воздухе до похода в туалет.

– Гормоны, голубушка дело такое, – улыбался главврач центра, наблюдая за моей очередной истерикой. – Из милой барышни способны сотворить настоящую фурию. Вы не переживайте, за тридцать лет работы многое повидал, у вас еще цветочки.

Когда я вернулась, Матвея словно подменили. Он даже не приехал меня забрать, а дома едва не споткнулась о батарею пустых бутылок из-под алкоголя. В помятом, неспособном удерживать собственное тело вертикально, существе узнать Матвея получилось не с первой попытки.

– Пришла, – заплетающимся языком то ли спрашивал, то ли утверждал он. – Ну проходи, раз пришла. Ты же у нас теперь беременная, тебе наверняка покой нужен, а я вот бухаю.

Он обвел рукой пустую тару, второй рукой уперся в стену, чтобы не упасть.

Поговорить нам удалось лишь к вечеру следующего дня. И говорила я не со своим мужем, а с совершенно другим мужчиной, которого не узнавала, смотря в родные глаза.

– До родов к тебе не прикоснусь, – жестко заявил он, не пояснив при этом, что имел в виду. – Начиная с сегодняшнего дня, у нас новые правила. Ты сидишь дома, никуда не выходишь, ни с кем не говоришь. Твои социальные сети удалил, ноутбук, впрочем, забрал, незачем беременной облучение получать. Телефон тоже заберу, выдам простой, кнопочный. Говорят, они самые безопасные.

Я-то дура еще и умилилась его заботе. Где-то глубоко в душе заворочался червячок сомнений, но не могла думать ни о чем другом, кроме как о нашем новом будущем, наступления которого мы так ждали и торопили.

Условия приняла без каких-либо споров, просто сказала «да», и на том сошлись.

Тем же вечером Матвей перенес свои вещи из нашей общей спальни, объяснив свое решение все теми же опасениями за безопасность ребенка.

– Мало ли пну тебя в живот ночью или обниму слишком крепко, – нелепо оправдывался он, на что я кивала и глупо улыбалась.

Мне все казалось правильным и естественным.

Первые звоночки прозвенели совсем скоро. Нет, муж не пытался сбежать из дома, большую часть времени по-прежнему проводил со мной. Другой женщины у Матвея в тот период не появилось, я бы поняла, будь он с кем-то еще.

Фактически мы продолжали жить в одном помещении, но встречались теперь исключительно за столом во время завтрака и ужина. Обедал Матвей на работе, а в выходные запирался в своей спальне, громко включая телевизор.

Это случилось неожиданно и вдруг. В один, из бесконечно тянущихся, похожих друг на друга как близнецы дней, мне сильно потянуло низ живота, я позвала Матвея, но он не откликнулся, скорее всего просто не услышал из-за орущего телевизора. Тогда позвонила ему и, услышав раздраженный голос, уже хотела сказать, что все прошло, но случился новый приступ сильнее первого.

Когда муж вошел в спальню, я растерялась. Его лицо исказила гримаса злобы, почти ярости. Дверь, распахнувшись ударила в стену и мне показалось, что он готов наброситься на меня с кулаками. Видимо, что-то такое отразилось уже на моем лице, что заставило его немедленно смягчиться. Хотя, вспоминая позже произошедшее, снова и снова приходила к выводу, что он скорее растерялся и... обрадовался? Последнее выбило из колеи, я захныкала, как маленький ребенок, скривила губы, но не заплакала, слезы будто высохли, не достигнув глаз.

Тревога оказалась ложной, угрозы плоду не обнаружилось, но специалист, приехавший на вызов все же, намекнул на возможность госпитализации. Получив отказ, пожал плечами, но настаивать не стал.

Когда доктор уехал, Матвей вернулся ко мне, встал на колени и впервые за все время прикоснулся к моему животу.

– В следующий раз сразу вызывай врача. Ты рисковала своим ребенком. Не для того я трагил столько сил и времени на твою беременность, чтобы теперь все испортила, – поднимаясь на ноги, сухо закончил мужчина.

Он поставил нас по разные стороны баррикад. Да и не было больше никаких нас, но тогда ничего еще не понимала. Или просто не хотела понимать.

Мне казалось, стоит ему увидеть нашу крошку, как все сразу встанет на свои места. Ведь на самом деле Матвея заколдовала злая ведьма, и только улыбка дочки способна вернуть его прежнего.

Увы, все обернулось жестоким заблуждением.

Егор Елагин взял трубку после первого же гудка, будто ждал моего звонка. Пришлось уйти в ванную, Полинка спала, я не хотела ее будить, заодно надеялась выиграть немного времени и подумать, как начать непростой разговор.

Мужчина заговорил сам.

– Добрый вечер, госпожа Лебедева. Рад, что вы решили позвонить. Как вам в Лондоне?

– Даже не буду спрашивать откуда меня знаете, – пошла я в атаку, надеясь, что он не услышал, как дрогнул мой голос. – Хотя устроенный в самолете цирк все же требует некоторых пояснений. Не находите?

– Веста...

На мгновение в трубке повисла тишина, будто абонент с другой стороны, как и она сама, переводил дух.

– Я ведь могу вас так называть?

– Можете, Егор... извините, не запомнила вашего отчества. – Сказать честно, его и не знала. На визитке оно не указано.

– На том и сойдемся.

Была уверена, что он улыбался в тот самый момент, когда говорил. Наглой, самоуверенной улыбкой Чеширского кота.

– К чему официоз, мы с вами практически друзья. По крайней мере, я очень рассчитываю на вашу благосклонность.

– Егор, перестаньте вести себя как мальчишка.

Удивительно, но от одного его голоса мне хотелось рвать и метать. А еще вцепиться в его физиономию и расцарапать ее к чертовой матери. Откуда во мне столько ярости к незнакомому человеку непонятно. Так не далеко и до мужененавистничества докатиться.

– Мне нужны объяснения произошедшего. Вы напугали моего ребенка.

– Если правильно помню, ваша дочка сладко спала, когда мы с вами разговаривали, а сразу после вы довольно бесцеремонно покинули нашу милую беседу.

– Когда вернулась, вас не было на месте. – Я закипала все больше. – Куда вы пропали из летящего самолета?

– Если скажу, что выпрыгнул с парашютом, поверите? Помните молодого человека в соседнем кресле? Мой инструктор. Рекомендую, как профессионала высокого класса.

Все же не зря он меня взбесил. Елагин откровенно издевался, и как мне казалось, получал от процесса удовольствие.

– Я ошиблась, когда решила вам позвонить. Хорошего вам вечера!

Убрала трубку от уха, чтобы не было слышно моего дыхания, немного выждала и не ошиблась. Елагин после непродолжительной паузы заговорил, и тон его стал куда более смиренным.

Улыбнувшись, приложила телефон обратно к уху.

– Вы извиняетесь? Простите, связь плохая, не расслышала.

Снова короткая пауза и недовольный ответ:

– Да, я попросил меня извинить за глупую выходку. И чтобы мое раскаяние не осталось просто отговоркой, готов пригласить вас на ужин. Вы голодная, Веста?

Хотела ответить, что голодна настолько, что с большим удовольствием откусила бы ему голову, но сдержалась.

– Не находите бестактным приглашать на ужин незнакомую женщину? К тому же жену вашего бизнес-партнера.

Фраза была произнесена не просто так, нужно было сразу расставить акценты и показать, что не он один настолько осведомлен. Если начинать игру, то с равными исходными данными.

– Я предложил просто вкусно поесть в ресторане. Если вам захочется продолжения, то, конечно, постараюсь сопротивляться, но надолго меня вряд ли хватит.

Телефон едва не полетел в стену. Из большого зеркала на меня смотрела тетка с бордовым лицом, сжатыми в нитку губами и сощуренными глазками. От самой себя стало тошно.

– Вы хам и нарцисс! – выдавила я, а тетка в зеркале еще сильнее покраснела.

– И вам придется терпеть мое общество сегодня вечером, – самовлюбленно заявил он, – по голосу слышу, что вы согласны.

– Знаете куда можете пойти со своим мнением?

– Знаю. И скину вам эсэмэс с адресом. Заеду в семь. До встречи.

Сказал и прервал разговор. А я так и стояла с ошалевшим выражением на лице, открывая и закрывая рот, сделавшись похожей на рыбку в аквариуме.

Телефон издал сигнал. Прекрасно понимала, что Елагин не видит меня, но демонстративно положила трубку на край раковины и не стала открывать сообщение. Пусть помучается.

Тому, что он не спросил мой адрес, пообещав заехать, я не предала значения и вспомнила, уже сидя за столиком напротив Елагина. Лицо его светилось начищенным самоваром, и улыбочка была та самая гаденькая и самодовольная.

– Она почти согласилась. Четыре месяца ее окучивал, наобещал всякого. Скоро состоится наша встреча.

Мужчина, говоривший это, сидел в машине и прижимал телефон к уху плечом. Освободившимися руками он быстро набирал что-то на клавиатуре ноутбука.

– Где прячется, ты узнал?

– Пока нет. Она постоянно перемещается, а я не хочу на нее давить. Если объект что-то заподозрит, все усилия пойдут насмарку.

– Плачу тебе не за то, чтобы ты много думал, – в трубке послышалось тяжелое дыхание, собеседник пытался совладать с эмоциями. – Привези суку ко мне, получишь свои деньги, дальше не твоя забота.

– Вы... убьете ее?

– Ужастиков пересмотрел? – В трубке раздался смешок. – Она моя жена, зачем, по-твоему, стану ее убивать? Нужна мне целой и невредимой.

– Я должен был задать этот вопрос, вы ведь понимаете?

– Если узнаю, что ты пишешь наши разговоры, чтобы потом шантажировать меня, лучше откажись от своей затеи уже сейчас. Ни к чему хорошему это не приведет.

– Сама мысль о подобном для меня оскорбительна.

Мужчина подвел курсор мыши к кнопке «остановить запись», но передумал.

– Я работаю честно, мне не нужны проблемы.

– Будем считать, что ты все уяснил. Через три дня контрольный созвон. Если, конечно, она не отдуплится раньше. Вы ведь понимаете меня, господин адвокат?

– Да, мне все ясно. Кладу трубку.

Разговоры с Матвеем Лебедевым всегда давались ему нелегко. Если бы не открывшиеся возможности, ни за что не согласился бы работать с головорезом, о котором ходили слухи один кровавее другого. Однако, оно того стоило. А когда все закончится, он еще посмеется в обескураженное лицо Лебедева.

Убрав телефон в карман, мужчина закрыл крышку ноутбука и бросил взгляд на вывеску.

– Отель Парк Рояль, – прочел вслух. – Вот вы и попались, госпожа Лебедева.

ГЛАВА 4

ЕГОР

Птичка так легко согласилась отправиться в клетку, что мужчина почти засомневался в своей удаче. Правда, сомневался недолго, проигрывать строптивым дамочкам не его прерогатива. Еще немного и Веста Лебедева выложит на блюдечке акции банка и пусть только попробует начать торговаться, он знает за какие ниточки потянуть, чтобы жизнь больше не казалась ей сахаром.

Она долго не отвечала на его сообщение, наверняка ходила по номеру довольная тем, как захмутила Елагина, даже не подозревая, что капкан расставлен на нее саму, и любопытный носик уже сунулся куда нужно.

Пусть думает, как ей хочется, так даже интереснее.

Жертва, уверенная, что обманула хищника становится легкой добычей. Он даже заскучал немного, ведь готовился к хитроумной партии, закончившейся как преждевременная эякуляция – ни тебе наслаждения процессом, ни яркого финала.

А что она там говорила о возможном продолжении ужина? Или он говорил, а та подхватила? Муж перестал устраивать, или поговорка о том, что любой мужик на отдыхе становится холостым распространяется еще и на прекрасную часть человечества?

– Интересно, какая она в постели? – сказал вслух Елагин, на всякий случай оглянувшись на пустой номер. Не подслушивает ли кто? – Такая же чопорная и холодная как в жизни или все же снимает броню вместе с трусиками?

Шальная мысль неожиданно возбудила. Он опустил взгляд, туда, где обернутое вокруг бедер полотенце превратилось в палатку.

– Извини, дружище, не сейчас, – усмехнулся Егор. – Нужно было поднимать голову в душе, возможно тогда тебе и перепало бы. Теперь придется смириться и успокоиться. Да и на кого ты решил реагировать? Дамочка наверняка холодная и пустая, как духовка на кухне плохой хозяйки.

От сравнения, пришедшего на ум, Елагин развеселился, начавшееся было возбуждение как рукой сняло. Во всех смыслах.

Он вернулся в ванную, посмотрел на себя в зеркало. Следов усталости на лице не обнаружилось, разве что начала пробиваться щетина, придававшая ему суровости, которой сегодня хотелось избежать. Егор взялся было за бритвенный станок, но вспомнил как сходили с ума почти все его любовницы от такой легкой небрежности, и передумал. Пусть растет. Когда Елагин последний раз видел Михаила Лебедева, тот был с аккуратной бородкой. Отрастить собственную уже не успеет, да и не понимал мейнстрима с повальным увлечением растительностью на лице, считая чем-то неряшливым и малопривлекательным.

С другой стороны, ему и не нужно разбираться в красоте других мужиков. У них для данной цели есть свои последователи.

До назначенной встречи оставалось несколько часов, и Егору предстояло разыграть спектакль с приездом к отелю, где остановилась Веста Лебедева, до того еще нужно постараться не столкнуться с ней в одном из коридоров или на ресепшн.

План сформировался моментально, а помощник находился через стену.

– Мало того, что обломал мне отдых, так теперь предлагаешь играть в шпионов?

Недовольный тем, что его вытащили из номера, Кирилл сонно шурил глаза, зло уставившись на Елагина. Тот позвонил ему десять минут назад, разбудил и потребовал немедленно явиться.

– Между прочим, ты за такое не платишь.

Кирилл сел в кресло, закинув ногу на ногу, но тут же начал клевать носом. Пришлось встать.

– Дружище, не понимаешь, – Елагин взял его за плечи, слегка встряхнул, – у нас намечается сделка века. Если она согласится на мои условия, и ты и я станем чуточку богаче. Ну ладно, я не чуточку, но и ты не останешься в обиде, гарантирую.

– Чего вообще так вцепился в те акции? – высвобождаясь из захвата, Кирилл прошел к мини бару, достал бутылку минералки и залпом выпил почти половину. – Лебедевы в дела не вмешиваются, ты почти безраздельно правишь своей империей. Так о чем паришься?

– Ключевое слово «почти», Кирыч. Оно сидит занозой в мозге и не дает нормально жить. Неужели не понятно?

– Непонятно, – покачал головой друг и допил оставшуюся воду. – Я вообще не понимаю всей вашей гонки за капиталами. На что ты копишь, Егор? Чего тебе еще не хватает в жизни для полного счастья?

– Весты Лебедевой в списке моих любовниц.

Выпалив фразу, Егор пожелал немедленно отрезать себе язык. Отмотать время назад невозможно, а с отрезанным языком у него будет обоснование сказанного – он просто сошел с ума.

Почему сказал именно так, Елагин сам не понимал. Смотрел в округлившиеся глаза Кирилла, который только что демонстрировал сонную физиономию, но неожиданно взбодрился.

Они оба молчали и покрывались испариной, будто саперы на разминировании неизвестной бомбы.

А что сказать? Любые слова сейчас будут попыткой оправдаться. А оправдываться он не привык ни перед кем. Тем более не перед Кириллом.

Пока Елагин старался подобрать хоть какие-то аргументы, друг проглотил слюну и выдал такое, отчего у Егора волосы встали дыбом на всем теле:

– Я так и знал, что тебя сюда привел не мозг, а член. Как товарищ советую пройти процедуру кастрации. Однажды он, – Кирилл скосил взгляд на полотенце, в котором мужчина до сих пор находился, не успев одеться, – доведет тебя до разорения. Хочешь играть в шпиона, играй без меня.

Сказал и стремительно покинул номер, а Елагин продолжил стоять и пялиться в закрытую дверь.

К основной проблеме прибавилась новая. Теперь придется выполнять сказанное сгоряча, а заодно как-то извиняться перед другом, чего он тоже не любил. Но на этот раз слишком перегнул палку.

Веста Лебедева сбила все его планы, когда пришла в ресторан не одна. Она вела за руку большеглазую ту самую девочку, с которой летела в самолете. Увидев Елагина, малышка помахала ему рукой и стала дергать мать за платье.

Женщина наклонилась к дочери, что-то сказала и та, опустив головку тяжело вздохнула.

Администратор, сверкая улыбкой провела гостей к столику, где заметила, что не хватает одного стула.

Когда она открыла рот, Егор поспешил ее перебить. Если он решил покорять Лебедеву, то начинать стоило немедленно, пусть при этом приходилось менять собственные решения на ходу.

– Девочка нам не мешает, не нужно отводить ее в игровую комнату, – поднимаясь навстречу растерявшейся Весте, мужчина отодвинул стул, на котором сидел сам, и галантно предложил его ребенку. – Прощу, маленькая мисс, – произнёс в поклоне.

Девчушка, в отличии от своей матери, не терялась, изобразила подобие книксена и взобралась на предложенное место, откуда немедленно потребовала:

– Можете начать с клубничного мороженого, а после я подумаю.

Говорила она на хорошем английском, и теперь пришла очередь Елагина удивляться. Веста ехидно ухмыльнулась, глядя на его обескураженную физиономию.

– Как скажете, мисс. – На сей раз улыбка администратора казалась искренней и теплой. – Я распоряжусь принести еще один стул для вас, мистер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.